

Н. В. Полякова

К ВОПРОСУ О «МАКИАВЕЛЛИЗМЕ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭТИКЕ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО

В статье определяется специфика политико-этической концепции Н. Я. Данилевского, которая анализируется с точки зрения ее включенности в авторскую теорию культурно-исторических типов, а также более широко — в нравственно-этическую традицию русской философской мысли. Основное внимание уделяется присутствию темы «макиавеллизма» в политической этике русского философа и публициста. Автор делает вывод о том, что концепция политической этики Данилевского, будучи ориентированной на область внешней политики, в качестве своего стержня имела принципы эффективности и моральной целесообразности, которые были впервые четко сформулированы в контексте политической философии Н. Макиавелли. Библиогр. 17 назв.

Ключевые слова: политическая этика, макиавеллизм, моральная целесообразность, эффективность, внешняя политика, Н. Я. Данилевский.

N. V. Poliakova

TOWARDS THE QUESTION OF “MACHIAVELLIANISM” IN N. DANILEVSKY’S POLITICAL ETHICS

The article determines the specificity of the political-ethical concept of N. Danilevsky, which is analyzed from the point of view of its inclusion in the author’s theory of cultural-historical types, as well as more general political and ethical tradition of Russian philosophical thought. Emphasis is placed on the presence of the theme of “Machiavellianism” in the political ethics of the Russian philosopher and journalist. The author concludes that the concept of Danilevsky’s political ethics, being focused on the area of foreign policy, had as its core in the principles of effectiveness and moral appropriateness first clearly articulated in the context of the political philosophy N. Machiavelli. Refs 17.

Keywords: political ethics, Machiavellianism, moral appropriateness, effectiveness, foreign policy, N. Danilevsky.

«Макиавеллизм» давно стал синонимом аморализма и культа насилия в области политической практики, своеобразным брендом беззастенчивой политики, цинично добивающейся своих целей любыми средствами, вопреки моральным ценностям и традициям. Подобная трактовка этого понятия и сегодня активно присутствует как в научном, так и в обычном дискурсе. Но как концепт, наполненный резко негативным содержанием, «макиавеллизм» является производной теоретической конструкцией, созданной постфактум и имеющей мало общего с идеями самого автора трактатов «Государь» и «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» — флорентийского политического мыслителя и государственного деятеля Никколо Макиавелли. Известный французский философ М. Мерло-Понти даже полагал, что «макиавеллизм есть опровержение Макиавелли» [1, с. 256–257].

Полякова Наталья Валерьевна — кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; belnata70@yandex.ru

Poliakova Natalia V. — PhD, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; belnata70@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

Политико-философское наследие Макиавелли, в том числе и в области политической этики, можно и должно рассматривать без крайностей последующей «макиавеллистической» интерпретации, вырывающей идеи автора из общего исторического, политико-культурного и автобиографического контекста и апеллирующей исключительно к одной из работ политического философа — трактату «Государь»: «Макиавелли вовсе не сокрушитель политической этики, каким прослыл среди потомков» [2, с. 57]. Как отмечал еще в 1880 г. в своей работе «Макиавелли как политический мыслитель» профессор Московского университета А. С. Алексеев, критически-обличительные труды, направленные против Макиавелли, написаны зачастую людьми, которые были знакомы с его воззрениями лишь понаслышке или даже не читали его сочинений [3, с. 53]. Политический идеал автора, его видение сути политики и собственно политической этики приобретают рельефные очертания только в случае системного сопоставления и сравнительного анализа всех элементов его творческого наследия.

Порвав с классической традицией политической этики, флорентийский мыслитель разработал ее новую современную версию, ориентированную на приоритет эффективности: если нравственные средства не приводят к политическому успеху, то необходимо обратиться к средствам безнравственным, при условии, что они будут более результативно способствовать достижению поставленной цели. В отношении собственно моральных приоритетов Макиавелли признает необходимость для политика уметь приспособляться к ним с точки зрения своих специфически политических интересов и властных устремлений: «Если термин “мораль” обозначает лишь фактические убеждения данной культуры относительно высших норм, которые должны быть значимыми [gelten], тогда в нормальном случае может и даже должен существовать кратологический совет: приспособиться к этой морали или, по меньшей мере, выглядеть к ней приспособленным; приспособленным, конечно, не по причине объективной идентификации с этими нормами, а потому что слишком грубое их нарушение может отрицательно сказаться на собственной репутации и тем самым на собственной власти» [4, с. 48]. С этой точки зрения и религия в макиавеллистской политической философии приобретает статус политически эффективного инструмента, который может при определенных условиях приносить свои плоды в деле максимизации политического успеха. Для автора «Государя» и «Рассуждений о первой декаде Тита Ливия» в рамках его феноменологии политики «мораль и религия не более чем социальные факты, которые политик должен использовать, с которыми он так или иначе должен считаться» [5, с. 77].

Выбирая лучшее среди возможного, субъект, действующий в политике, опирается на принцип моральной целесообразности и неизбежно допускает малое зло. Отсюда добро и зло оказываются взаимосвязанными друг с другом в неразрывное целое внутри политического процесса, дополняя и опосредуя различные деяния и события в мире политики: «Во всех действиях людей... кроме трудностей успеха есть еще всегда рядом с добром и зло, так тесно с ним связанное, что невозможно пользоваться одним, не подвергаясь другому» [6, с. 506]. Таким образом, Макиавелли первым из числа политических мыслителей, встав на почву реализма, честно и открыто признал факт неразрешимого конфликта между политикой и моралью в ее христианском обличье. Известный британский философ Исайя Берлин отмечает в своем эссе «Стремление к идеалу»: «Читая его (Макиавелли. — Н. П.),

я открыл идею, которая меня поразила: не все высшие ценности, которыми живет и жило человечество, совместимы друг с другом» [7, с. 14].

Таким образом, итальянский политический философ утвердил нравственную дилемму политики не как крайний случай, а как норму ее бытия, выступив в роли автора концепции новой политической нормативности. «Если классическая философия государства, по сути, сводится к нормативной теории политических институтов, то “Государь” Макиавелли, напротив, можно считать хорошим примером политической этики», — утверждает в своей фундаментальной монографии «Мораль и политика» немецкий философ, директор-основатель Института перспективных исследований в Университете Нотр-Дам (США) Витторио Хёсле [4, с. 55]. При этом в контексте данного высказывания политическая этика — это та часть политической философии, которая представляет собой нормативную теорию не самих институтов, а действий, относящихся к их основанию и поддержке.

Поэтому для достижения успеха в политике необходимо руководствоваться знаниями человеческой природы и правильным подбором средств воздействия на людей. «Я утверждаю, что учение Макиавелли сегодня гораздо более жизненно, чем четыре столетия назад, поскольку, если нынешние формы нашего существования претерпели значительное изменение, то в умах индивидов или народов не произошло глубоких сдвигов... Главный элемент политического искусства — человек. Именно из него мы и должны исходить», — таким образом обозначил в свое время актуальность нового подхода к пониманию политики Б. Муссолини в своей большой статье «Прелюдия к Макиавелли», вышедшей в свет в майском номере журнала «Иерархия» за 1924 г. (цит. по: [5, с. 76]).

Поэтому для последующих интерпретаторов творчество Н. Макиавелли предстает в качестве своеобразного рубежа между классической политико-философской парадигмой и современной политической наукой с ее акцентом на эффективности: «Мораль и политика — независимые сферы, их смешение теоретически так же абсурдно, как и практически опасно. По сути дела, такое понимание является специфической чертой современной политической теории: заложенное Макиавелли и Гоббсом, оно стало аксиомой современных социальных наук» [8, S. 15].

В рамках отечественной этико-философской традиции проблема соотношения политики и морали всегда была включена именно в христианский контекст, а преобладающим настроением являлось этическое видение политического во всех его проявлениях. Кантианская формула неосознанно или осознанно оказалась определяющим принципом отечественной традиции философских размышлений в этом направлении: «Истинная политика не может сделать шага, не присягнув заранее морали... так как мораль разрубает узел, который политика не могла развязать, пока они были в споре» [9, с. 185]. Особенно остро эта тема стала обсуждаться во второй половине XIX в. в связи с распространением в русском обществе идей политического радикализма и нигилизма, возникновением волны политического террора и ответных контрмер насильственного характера [10].

В этот период наиболее рельефно традиционный взгляд на данную проблему был сформулирован с позиций христианского универсализма русским философом В. С. Соловьевым: «Полное разделение между нравственностью и политикой составляет одно из господствующих заблуждений и зол нашего века. С точки зрения христианской и в пределах христианского мира, эти две области — нравственная

и политическая — хотя и не могут совпасть друг с другом, однако должны быть теснейшим образом между собою связаны» [11, с. 264]. Именно В. С. Соловьев стал впоследствии одним из наиболее яростных критиков концепции культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского. В цикле своих статей 1883–1888 гг., позднее составивших сборник «Национальный вопрос в России», обвиняя автора «России и Европы» в проповеди национального эгоизма, он сам отстаивал позицию, согласно которой отрицание нравственного долга перед человечеством приведет в конечном итоге к полному моральному нигилизму. «С точки зрения этической признавать крайним пределом человеческих обязанностей и высшей целью нашей деятельности культурно-племенную группу, к которой мы принадлежим, как нечто более конкретное и определенное сравнительно с человечеством — значит для последовательного ума открывать свободную дорогу всякому дальнейшему понижению нравственных требований», — отмечал В. С. Соловьев в написанной им для Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона статье о Н. Я. Данилевском [12].

Н. Я. Данилевский, русский философ, социолог, политический мыслитель и публицист, прервал устоявшуюся традицию и предложил в своей политико-философской работе «Россия и Европа» новое для отечественного дискурса видение сути политической этики. Впоследствии это позволило исследователям его творчества заявлять о «макиавеллизме» Н. Я. Данилевского: «...подобно Гегелю и Энгельсу, Данилевский высоко оценивает историческую роль морального зла» [13, р. 284]. Его позиция выражалась в том, что в политике «нет места закону любви и самопожертвования» и что «начало здраво понятой пользы, очевидно, недостаточное и негодное как основание нравственности, должно дать гораздо лучшие результаты как принцип политический по той простой причине, что он применяется здесь к своему настоящему месту» [14, с. 27].

Истоки подобного поворота нужно искать как в теоретико-методологических предпосылках, так и в содержательных аспектах творчества самого Н. Я. Данилевского. Как отмечает В. В. Зеньковский в своей книге «Русские мыслители и Европа: Критика европейской культуры у русских мыслителей», Данилевский, будучи близок по многим позициям славянофилам, тем не менее, был чужд характерной для этого направления идеи «всечеловеческой» культуры и, соответственно, задачи синтеза Запада и России, «недостатки и теневые стороны европейской культуры его мало волнуют, — он мало даже входит в то, что называют “имманентной” критикой, так как чувствует себя стоящим на почве иной культуры, чем та, которой живет Европа. Сознание своеобразия славянского культурного типа достигает в Данилевском такой силы, такой ясности, что он смотрит на Европу как бы с другого берега» [15, с. 134]. Его интересы были связаны с конкретным культурно-историческим типом — славянским, на защиту которого он направил весь свой идейный инструментарий, выработанный в том числе и в контексте того значения, которые имели для самого автора «России и Европы» естественнонаучные знания: «У него исчезает универсализм славянофилов. Он делит человечество на замкнутые культурно-исторические типы, человечество у него не имеет единой судьбы. Речь идет не столько о миссии России в мире, сколько об образовании из России особенного культурно-исторического типа» [16, с. 99].

Следуя логике своей историко-культурологической концепции, Данилевский полагал, что история цивилизаций движется по пути смены различных форм

«зависимостей», т.е. подчиненного состояния народов, что вынудило его сформулировать конкретные задачи национальной внешней политики для России как центра будущего Всеславянского союза. И в этом контексте применение правил христианской нравственности «к межгосударственным и даже международным отношениям было бы странным смещением понятий, доказывающим лишь непонимание тех оснований, на которых зиждятся эти высшие нравственные требования» [14, с. 26].

Таким образом, концепция политической этики Н.Я.Данилевского, будучи ориентированной в первую очередь на область внешней политики, в качестве своего стержня имела принципы эффективности и моральной целесообразности, которые в свое время были впервые четко сформулированы в политико-философских трудах Никколо Макиавелли. Хотя сам автор «России и Европы», упреждая возможные обвинения, все-таки вынужден был оговаривать дополнительно, что при этом «не оправдывается макиавеллизм, а утверждается только, что всякому свое, что для всякого разряда существ и явлений есть свой закон. “Око за око, зуб за зуб”, — строгое правило, Бентамовский принцип утилитарности, то есть здраво понятой пользы, — вот закон внешней политики, закон отношений государства к государству. Тут нет места закону любви и самопожертвования» [14, с. 27].

В определенном смысле к этим политико-этическим выводам Н.Я.Данилевского вполне можно применить ту характеристику, которую в свое время дал результатам творчества Н.Макиавелли известный итальянский мыслитель А.Грамши в своей «Заметке о Макиавелли», написанной им в тюремном заключении: «Ограниченность и узость Макиавелли состояли только в том, что он был “частным лицом”, писателем, а не главой государства или армии, который тоже является определенной личностью, но имеет в своем распоряжении силу государства или армии, а не полчища слов. Нельзя, однако, основываясь на этом, утверждать, будто Макиавелли тоже был “безоружным пророком”: это было бы слишком дешевым остроумием. Макиавелли никогда не говорит, что он думает изменить действительность и сам намерен принять в этом участие: он всего лишь наглядно показывает, как должны были бы действовать исторические силы для того, чтобы оказаться эффективными» [17, с. 210].

Литература

1. Мерло-Понти М. Знаки. М.: Искусство, 2001. 429 с.
2. Риклин А. Никколо Макиавелли: Искусство властвовать / пер. с нем. Т.П.Гусаровой. СПб.: Алетей, 2002. 224 с.
3. Алексеев А. С. Макиавелли как политический мыслитель // Никколо Макиавелли: pro et contra. Личность и творчество Никколо Макиавелли в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного ин-та, 2002. С. 45–268.
4. Хёсле В. Об отношении морали и политики. Часть I // ПОЛИС. Политические исследования. 2013. № 4. С. 45–61.
5. Федорова М. М. Классическая политическая философия. М.: Весь Мир, 2001. 224 с.
6. Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Ростов н/Д: Феникс, 1998. С. 143–527.
7. Берлин И. Стремление к идеалу // Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 7–25.
8. Hosle V. Moral und Politik: Grundlagen einer Politischen Ethik fur das 21. Jahrhundert. Munchen: Beck, 1997. 1216 s.

9. Кант И. К вечному миру // Трактаты о вечном мире: сборник / сост.: И. С. Андреева, А. В. Гулыга. М.: Изд-во социально-эконом. литературы, Соцэкгиз, 1963. С. 150–192.

10. Полякова Н. В. Феномен русского нигилизма в зеркале правоконсервативной критики: опыт актуализации стратегий // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 2013. № 4. С. 78–85.

11. Соловьев В. С. Национальный вопрос в России // Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 1. С. 259–639.

12. Соловьев В. С. Николай Яковлевич Данилевский // Литература и жизнь. URL: http://dugward.ru/library/solovyev_vl/solovyev_v_s_danilevskiy.html (дата обращения: 05.03.2017).

13. Mac-Master R. Danilevsky, a Russian totalitarian Philosopher. Cambridge: Harvard University Press, 1967. 368 p.

14. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. 6-е изд. / предисл. Н. Н. Страхова; статья К. Н. Бестужева-Рюмина; сост., вступ. статья и коммент. А. А. Галактионова. СПб.: Изд-во СПбГУ, Лагол, 1995. 552 с.

15. Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа: Критика европейской культуры у русских мыслителей. Париж: YMCA-press, 1955. 278 с.

16. Бердяев Н. А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 43–271.

17. Грамши А. Никколо Макиавелли // Грамши А. Искусство и политика. М.: Искусство, 1991. С. 198–210.

Для цитирования: Полякова Н. В. К вопросу о «макиавеллизме» в политической этике Н. Я. Данилевского // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 10. Вып. 2. С. 123–129. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2017.203

References

1. Merlo-Ponti M. *Znaki* [Signs]. Moscow, Iskusstvo Publ., 2001. 429 p. (In Russian)
2. Riklin A. *Nikkolo Machiavelli: Iskusstvo vlastvovat'* [Niccolo Machiavelli: the Art of power]. Transl. from German by T. P. Gusarova. St. Petersburg: Aletheia Publ., 2002. 224 p. (In Russian)
3. Alekseev A. S. Machiavelli kak politicheskii myslitel' [Machiavelli as a political thinker]. *Niccolo Machiavelli: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Nikkolo Machiavelli v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei: Antologiya* [Niccolo Machiavelli: pro et contra. The person and works of Niccolo Machiavelli in the evaluation of Russian thinkers and scholars: anthology]. St. Petersburg: Publ. Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta, 2002, pp. 45–268. (In Russian)
4. Hosle V. Ob otnoshenii morali i politiki [On the relation of morality and politics]. Part I. *POLIS. Politicheskoe issledovaniia*, 2013, no. 4, pp. 45–61. (In Russian)
5. Fedorova M. M. *Klassicheskaia politicheskaiia filosofiiia* [Classical political philosophy]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2001. 224 p. (In Russian)
6. Machiavelli N. Rassuzhdeniia o pervoi deкаде Tita Liviiia [Discourses on the first decade of Titus Livius]. Machiavelli N. *Gosudar'*. *Rassuzhdeniia o pervoi deкаде Tita Liviiia* [The Prince. Discourses on the first decade of Titus Livius]. Rostov-n/Donu, Feniks Publ., 1998, pp. 143–527. (In Russian)
7. Berlin I. Stremlenie k idealu [The pursuit of the ideal]. *Filosofiiia svobody. Evropa* [The Philosophy of freedom. Europe]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001, pp. 7–25. (In Russian)
8. Hosle V. *Moral und Politik: Grundlagen einer Politischen Ethik für das 21. Jahrhundert* [Morality and politics: foundations of a Political ethics for the 21st century]. München, Beck, 1997. 1216 p. (In German)
9. Kant I. K vechnomu miru [Perpetual peace]. *Traktaty o vechnom mire: sbornik* [Treatises of eternal peace: a collection]. Eds I. S. Andreeva, A. V. Guliga. Moscow: Publ. social'no-ehkonom. literatury, 1963, pp. 150–192. (In Russian)
10. Polyakova N. V. Fenomen russkogo nigilizma v zerkale pravokonservativnoi kritiki: opyt aktualizatsii strategii [The phenomenon of Russian nihilism in the mirror of the right-wing conservative critics: experience of actualization of strategies]. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 6. Political science. International relations*, 2013, no. 4, pp. 78–85. (In Russian)
11. Solov'ev V. S. Natsional'nyi vopros v Rossii [The national question in Russia]. Solov'ev V. S. *Sochine-niia* [Works], in 2 vols. Vol. 1. Moscow, Pravda Publ., 1989, pp. 259–639. (In Russian)
12. Solov'ev V. S. Nikolai Iakovlevich Danilevskii [Nikolay Yakovlevich Danilevsky]. *Literatura i zhizn'* [Literature and life]. Available at: http://dugward.ru/library/solovyev_vl/solovyev_v_s_danilevskiy.html (accessed: 05.03.2017) (In Russian)

13. Mac-Master R. *Danilevsky, a Russian totalitarian Philosopher*. Cambridge, Harvard University Press, 1967. 368 p.

14. Danilevskii N. Ia. *Rossii i Evropa: Vzgliad na kul'turnye i politicheskie otnosheniia Slavianskogo mira k Germano-Romanskomu* [*Russia and Europe: a look at cultural and political relations of the Slavic world to Germano-Romance*]. 6th ed. Preface by N. N. Strahov; article by K. N. Bestuzhev-Ryumin; compilation, introd. the article and commentary by A. Galaktionov. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, Glagol Publ., 1995. 552 p. (In Russian)

15. Zen'kovskii V. V. *Russkie mysliteli i Evropa: Kritika evropeiskoi kul'tury u russkikh myslitelei* [*Russian thinkers and Europe: Criticism of European culture in Russian thinkers*]. Paris, YMCA-press, 1955. 278 p. (In Russian)

16. Berdiaev N. A. *Ruskaia ideia: osnovnye problemy russkoi mysli XIX veka i nachala XX veka* [The Russian idea: the Basic problems of Russian thought the XIX century and early XX century]. *O Rossii i russkoi filosofskoi kul'ture: Filosofy russkogo posleoktiabr'skogo zarubezh'ia* [*About Russia and Russian philosophical culture: Philosophers of the Russian post-revolutionary Diaspora*]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 43–271. (In Russian)

17. Gramshi A. Niccolo Machiavelli. Gramshi A. *Iskusstvo i politika* [*Art and politics*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1991, pp. 198–210. (In Russian)

For citation: Poliakova N. V. Towards the Question of “Machiavellianism” in N. Danilevsky’s Political Ethics. *Vestnik SPbSU. Political science. International relations*, 2017, vol. 10, issue 2, pp. 123–129.

DOI: 10.21638/11701/spbu06.2017.203

Статья поступила в редакцию 24 февраля 2017 г.

Статья рекомендована в печать 20 марта 2017 г.